

The paper analyzes the phenomenon of cultural and interdisciplinary synthesis of philosophy and theology. These are the views of the representatives of the existential theology and their importance in our time. Addresses the issue of the crisis of modern Christian culture and adapting Christianity to the new challenges of the postmodern era.

Keywords: existentialism, theology, existential theology, Christianity, culture, values, spirituality.

И.С. Стокалич

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

В статье дан анализ современной истории в контексте социальных воззрений представителей русской религиозной философии. Показана ограниченность возможности применения капиталистического варианта экономической системы и системы либеральных ценностей на просторах СНГ, как неэффективных и противоречащих духовно культурным ценностям данного культурного региона. Представлен путь построения общества, выраженный в концепциях русской религиозной философии, основанной на постулатах христианского вероучения.

Ключевые слова: либеральный капитализм, марксизм, социализм, воля, справедливость, безусловное нравственное начало, власть, церковь, государство.

В своём анализе инновационного потенциала философской мысли мы обращаемся к русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв., которая ещё известна под названием – «школа русского религиозно-философского ренессанса». Уже название традиции говорит о приоритетности рассматриваемых тем – это, прежде всего, вопросы религиозно-мировоззренческие, церковные, эсхатологические, духовно-нравственные, экзистенциальные. Однако кризисное состояние общества, мировые цивилизационные проблемы потребовали внимания мыслителей, относящихся к данному направлению, и к вопросам социально-философским: гуманного устройства общества, критического анализа его духовных чаяний, определения общественных идеалов, путей их достижения и т.д. При

этом предмет интереса религиозной философии составляли не только общественно-исторические процессы, имевшие место в России, но и в остальной Европе, а религиозность философской традиции сказывалась на том, что учения философов опирались и на положения, заложенные в идеологическом основании института Церкви. Что же послужило поворотным пунктом тематической переориентации традиции на проблемы социально-философские? На наш взгляд, сама история, социально-политические события начала XX в. заставили пристальней посмотреть на общество, его социальные институты, задуматься над смыслом бурно развивающейся в политических событиях истории. В философской мысли это закономерно откликнулось необходимостью критического переосмысления концепций универсальной истории, классических теорий прогресса, государственного устройства. В центре внимания русских философов оказались такие популярные (кстати, и до сегодняшнего дня) политические доктрины как консерватизм, либерализм, «классический» марксизм и марксизм «русский» и т.д. Проанализируем отдельные аспекты поставленных русскими мыслителями проблем.

По мнению В. Соловьёва и его идейных последователей в лице Н. Бердяева, С. Булгакова, главной причиной возникновения революционного движения в российском обществе был отход культуры от религиозных её начал [см.: 1; 2; 3]. Это послужило тому, что идея реализации правды Божьей трансформировалась, приобрела конкретный социально-политический смысл, по сути была заменена в общественных движениях стремлением к реализации справедливости не в традиционном духовно-нравственном, ценностном, аспекте, а в экономическом и социальном. В определённой степени в этом процессе имело место некоторое сходство между рождением политического идеала справедливости и первоначальным христианским идеалом, связанным с нравственным учением, заложенным в Евангелии.

Сопоставляя взгляды, язык философских размышлений русских мыслителей рубежа XIX-XX вв. с современными – эпохи «постмодерна», трудно не заметить не только стилевые отличия, но и особый, «высокий» слог изложения идей, характерный для философов прошлой эпохи. В этой «высоте» – не пафос, не отстранённость от конкретных исторических событий, а, напротив, видится глубокое сопереживание человеку в его непосредственных обстоятельствах, связанных с трагизмом истории, катастрофическим разрушением общественной жизни, с предчувствием грядущей бездны духовного

нигилизма. Современный же дискурс как-то отвлечён от этих переживаний «маленького» человека, безучастен к ним, равнодушен. Возможно, поэтому только сейчас, когда постсоветское общество переживает свои кризисы, заметно увеличивается внимание к философии «религиозного ренессанса».

Современная история, особенно последних двадцати лет, после развала Советского Союза, чаще, нежели принятие, вызывает недоумение и растерянность. Либеральный капитализм, пришедший на смену социалистической модели хозяйствования и общественной жизни и внедрённый волевым образом «сверху», принёс с собой разрушение не только марксистской идеологии и существующих экономических форм, но и (что самое страшное) деструкцию в общественную жизнь и сознание. С падением государства общество (в большинстве своих членов) оказалось в состоянии вначале социальной иллюзии, когда изменения политической ситуации на бывших просторах СССР воспринимались как начало свободы во всех её проявлениях, а позже – с экономическим, социальным и нравственным кризисом середины 90-х годов – в принципиально «новом» состоянии, связанном с дальнейшей социальной сегрегацией масс. Это поставило основную часть населения стран СНГ в состояние экзистенциального тупика. Обращение к сокровищнице русской религиозной мысли может, на наш взгляд, помочь найти выход из сложившейся ситуации и определить пути кинообщественно-исторической практике. «Вызовы» современности, как правило, являются результатом предыдущих этапов исторического развития, реализации определённых социальных программ. Сейчас много говорится о будущем стран постсоветского пространства. Номинально правящие элиты бывших республик пытаются на протяжении двадцати лет построить общества, основанные на принципах права, свободы (в её либеральном понимании), демократии и гуманизма. Все институты прошлого, в частности, религия, рассматриваются лишь как рудименты, имеющие значение в качестве психологического тренинга и канализации неудовлетворенности людей своей жизнью в современных экономических реалиях. Речь идёт о капиталистических реалиях – общества, основанного на принципах хищного утверждения, согласно Томасу Гоббсу: «Homo hominilupusest», войны и ненависти всех против всех, где общество и государство сохраняют равновесие и целостность не благодаря чувству гражданского долга, чувству всеобщности и солидарности, но на принципах жизненных обстоятельств зависимости различных социальных общностей друг от друга. И хотя данная модель функционирует, она является довольно

нестабильной, противоречащей цивилизационным, историческим и духовным вехам духовно-культурного развития человечества.

Первым из русских религиозных мыслителей обращает внимание на вопрос духовной и социальной справедливости В.Соловьёв, выразивший своё видение нравственного права социализма и оценивший роль этой политической доктрины в критике существующего порядка вещей. Мыслитель видит в социализме силу правды, но, несмотря на все позитивные стороны, он обращает внимание и на изъян в этом учении, так как социализм, пытаясь реализовать на практике идею «царства божьего» видит реализацию задачи в перераспределении общественных благ. Такое требование, по мнению В.Соловьёва, не имеет нравственной силы, так как подменяет духовные принципы материальными факторами. Философ убеждён, что социальным преобразованиям общества должна предшествовать духовная революция. Только с изменением самого человека можно изменить и общество, государство, экономику, политику, культуру. Отсюда он отстаивает идею «правовой совести» как воплощения единства нравственности и права, говорит о государстве как «воплощении права», «объективном устройении права». Вот как Соловьёв оценивает роль правосознания в общественном бытии: «Право в интересе свободы позволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злому человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [4, с.454]. Философ уверен, что стабильно развивающееся, безопасное, достойное в духовно-культурном и правовом смысле общество возможно только при соблюдении принципа равновесия «личного» и «собирательного» (всеобщего) интереса. Если этого не наблюдается, то общество развивается ненормально: его будут подтачивать, разрывая гражданскую солидарность, или силы «личных произволов», или силы чрезмерной «общественной опеки», разрушающие личность как условие и цель общественного бытия. Следствием этого могут быть анархия или деспотизм – явления, одинаково опасные для гармонического общественного развития, считает русский философ.

В трудах В.Соловьёва мы видим неприятие капитализма как модели социально-экономического развития, основанной на эгоизме отдельных людей, в чём он видит источник зарождения социальной несправедливости. Справедливость же, по его мнению, есть самоограничение человеком своих прав в пользу другого. В этом плане

справедливість виступає некою формою самопожертвування. Соціалізм, опираючись на ідею справедливості, несе в собі антиномію, яка заключається в тому, що, з однієї сторони, ця доктрина прагне утвердити принцип справедливості як універсальне початок суцільного буття, але, з іншої сторони, висуває вимогу о рівном розподіленні матеріального блага. Отсюдова поняття справедливості стає простим механізмом отримання благ для визначеного класу, а своєкористіє не може мати морального значення. В аспекті питання о соціальних перетвореннях філософ вважає важливим показати, що призначення особистості слід шукати не в контексті політичних рішень, державних, національних або соціальних (як би вони ні були важливі), не в контексті ідеологічного утвердження визначених політичних доктрин, але Бога, світоглядання, формуючогося на прийнятті Абсолюта. Це є первинним умовою рішення і всіх інших проблем, в тому числі і суцільних.

Такого ж мненія придержується і С.Булгаков. Розглядаючи діяльність людини, перше все, в створенні духовного, як істоту, творчо перетворюючу природу, філософ аналізує особливості господарської діяльності, доводить, що капіталізм представляє собою тимчасову форму соціально-економічного устрою суцільства. Християнський гуманізм, по мненню мислителя, виключає експлуатацію і несправедливість груп людей в користь одного людини [2, с. 381]. Згідно Н. Бердяєву, економічна система в цілому повинна мати моральну правду і в цьому заклад її стійкості і сили [1, с. 164]. Як бачимо, багатьма філософами «срібляного віка» виходять з ідей Солов'єва, згідно котрому, окрема взята чья-то воля не несе в собі якогось добра, але стає справедливою тільки через згоду з загальною волею. І, як вважає мислитель, існує в диві тут не механічне з'єднання різних волі в одну, але становлення однієї загальної по природі волі, несучої в собі волю Божю. В.Солов'єв вважає, що ніяка цілісність різних не може бути істинною, так як сукупність явищ не може існувати в нашому свіданні, але наше свідання може бути орієнтовано на єдині, суцільні цінності.

Отсюдова, механізм, спроможний подолати суцільне протиставлення, характерне для кризового стану суцільства, знаходиться в релігії, а іменно: в її головної суті – безумовному моральному початку. Релігія, по В.Солов'єву – це відновлення

человека и мира с их безусловным духовным началом, объединение стихий человеческого бытия в этом начале, что только и способно привести людей к истинной солидарности. Философ в своих выводах основывался, по сути, на христианском вероучении, согласно которому всякое разделение на внутреннее и внешнее начала есть смерть и разложение. Подобно тому, как Томас Гоббс, используя образ ветхозаветного зверя Левиафана, изображал государство, таким же образом В.Соловьёв склонен рассматривать особенности российской государственности на метафизическом уровне. Так, сопоставляя конкретно-историческую форму существования государства с таким ценностным основанием как безусловно нравственное начало, открывающееся религиозным мировоззрением, философ призывает отойти от упрощённого понимания религии и понять свободу как необходимость, совершающуюся по Божьей воле. Тем не менее, в этой цепочке духовной связи человека с Абсолютом важная роль отводится и государству. Этот общественный институт призван исполнять особую функцию, а именно: занимая срединное место между церковью и обществом, именно государство должно выступать гарантом труда, гармонизировать общественные отношения, работать на приближение Царства Небесного. Но рассуждая о безусловном начале и власти, В.Соловьёв замечает, что западного понятия власти никогда в России, начиная с древних времен, не было. Сравнивая же исторически сложившиеся общества, философ считает, что на Востоке политическая воля отсутствовала у большинства народа, власть находилась в одних руках, в отличие от Запада, где права на власть предъявляли, напротив, многие и где в регулировании общественных процессов большую роль играло право.

В.Соловьёв был убежден, что Византия пала заслуженно, не оправдав своего призвания в деле реализации принципов, заповеданных Иисусом Христом, не создав общества, построенного на принципах любви и солидарности. Вместо этого Византия, приняв христианство внешне, по сути, в общественном и государственном устройстве осталась языческой. Так, в Византии, православной христианской стране, не считалось грехом делить людей по званиям, напротив, сама Церковь, основываясь на посланиях апостола Павла, не рассматривала это как грех. Государство проявляло себя падшим, допуская эксплуатацию одного человека другим, предавая забвению духовное право человека быть свободным, не считая за грех отношение к рабам, как к полезным животным и т.п. Грех рабовладельцев заключался, как поясняет мыслитель, не в том, что кто-то обладал жизнью других людей, но в том, что хозяин не

заботился, бил, плохо кормил рабов[6]. То есть, грех Византии, по В.Соловьёву, заключался в забвении идеи построения государством общества высшего духовного сознания. Конкретно исторически византийское общество существовало, руководствуясь двумя взаимоисключающими принципами, где в одном случае духовную сферу заполняла Церковь, представляя примеры поистине столпов духа в несчётном сонме монахов и подвижников благочестия, а вот в сфере житейской власть и общество руководствовались принципами языческими. Подытоживая свои рассуждения, философ, используя термин Г.В.Ф. Гегеля, выносит следующий вердикт Византии: «Мы не найдем здесь ничего такого, на чём можно было бы заметить хотя бы слабые следы высшего духа, движущего всемирную историю»[6]. Правопреемники римских властителей забыли, что они должны выступать перед народом как делегаты верховной власти Христа. Наоборот, они понизили статус христианского царства до уровня языческой государственности. Власти божественной византийские императоры предпочли власть человеческого произвола, её сумму, сосредоточенную в одних руках. Таким образом, по мысли философа, Византия погибла не потому, что была несовершенна, но потому, что не хотела совершенствоваться [6].

Особенностью русской религиозной философии есть её уникальный характер, проявляющийся в том, что эта школа совмещает рациональное мышление с религиозным восприятием мира, истории, сил, влияющих на историческую действительность и социальное время. Взгляд на общественные процессы и их трактовку формируется с учётом известных законов природы, но принимается во внимание не только метафизическое, но и мистическое их толкование. Так, размышляя о развитии мира, В.Соловьёв выделяет три силы, влияющие на человечество[7]. Первая из этих сил стремится, как говорит мыслитель, подчинить себе всё человечество, на всех ступенях его жизни, одному верховному началу, стремится слить и смешать все существующее многообразие, самостоятельность и свободу личной жизни, тем самым достичь положения, когда существует лишь один господин и множество рабов. Если бы данная сила возобладала над другими силами жизни, то человечество окаменело бы в мёртвом однообразии и неподвижности. К таковой силе на практике В. Соловьёв относит исламское мировоззрение, в котором всё подчинено началу религии, исключаящей любую множественность и индивидуальную свободу.

Вторая сила, противостоящая первой, стремится, напротив, к разделению и индивидуализации всего. Для неё становится главным

разбить твердыню мёртвого единства, во что бы то ни стало, тем самым дать свободу всем формам жизни, в том числе и свободу личности и её деятельности. Но тогда каждая человеческая единица, действуя исключительно из себя, теряет общее значение реально существующего бытия. С этой силой связан религиозный принцип западной цивилизации, выраженной в католицизме и протестантизме, которые в силу исторически сложившихся обстоятельств, в отличие от ислама, вынуждены были считаться с чуждыми началами. Обусловлено это бытосуществующим в Европе противостоянием римской церкви и германского мира, сохранившего в своём мировоззрении безусловное начало индивидуальной свободы. В.Соловьёв видит в феномене германского мировоззрения причину возникновения последующих форм общественного обособления, причину культивирования индивидуальной свободы и последующего отделения от римской церкви. Последняя, если взять во внимание исторические реалии, отделившись от государства, сама попыталась занять место государства, результатом чего стала потеря власти и самого авторитета церкви как духовной институции. В свою очередь и государство, вобравшее в себя все аспекты жизни, со временем потеряло, по замечанию В.Соловьёва, право власти над обществом, что стало очевидно во времена Великой Французской революции, когда право управления государством перешло к народу. Анализируя действие этой второй силы в истории, создавшей западную цивилизацию, философ подчёркивает возможность и последующего дробления на более мелкие общественные формы. Такая тенденция может вести только к личной обособленности и потере всяких связующих звеньев, в крайней своей форме – нужда в объединении просто отпадает. Философ как будто предугадал появление в последующей истории феномена «постмодернистской» культуры.

Именно поэтому принцип свободы, вытекающий из особенностей действия второй исторической силы и лежащий в основе западного мира, В.Соловьёв считает отрицательным. Уникальность европейской истории, её продуктивность он видит в балансе римской церкви и рыцарского феодализма, что выразилось в богатстве уникальных форм, соединявших в себе противоположности, как, например, святых монахов, из любви к ближнему сжигавших тысячами людей, или богословов, рассуждавших о философии как о математике и наоборот [7]. По мнению В. Соловьёва, только такие противоположности делают западный мир привлекательным для мыслителя и интересным для художника, только в западной цивилизации мыслитель наблюдает изменение социальных форм.

Обращает мыслитель внимание и на то, что после Французской революции, с приходом буржуазии и с формированием капитализма как системы общественного устройства, в жизнь приходит и новое сословие, враждебное предыдущему – пролетариат. Поэтому всякие операции на западе против социально-экономических болезней могут носить лишь паллиативный характер.

Критически В. Соловьёв относится и к положению, согласно которому основанием для решения гуманитарных и социальных проблем может выступить наука, занявшая в европейском самосознании место религии. Он связывает перспективу преодоления социальных проблем не с какой-либо отдельно взятой наукой, а с процессом соединения науки и теологии. В этом случае знания получают целостную форму, ведь эмпирический уровень является только первой ступенькой, путь же познания восходит до высшего рода знаний, под которыми подразумеваются духовные[3]. Таким образом, оценивая в целом вторую силу, действующую в истории, В.Соловьёв связывает с нею, безусловно, в крайнем развитии, эгоизм и анархизм, порождающих существование множественности отдельных лиц без внутренней связи. Отсюда, на историческую сцену должна выйти третья сила, задача которой будет заключаться в том, чтобы оживить и одухотворить враждебные друг другу элементы посредством высшего примирительного начала, дать им безусловное общее содержание, освобождая, таким образом, от самоутверждения и отрицания, что указывает на мир «вышний». Третья сила должна открыть человечеству путь к единению, но не подавляющему разное, отдельное, единичное, намечает путь к прогрессу, который может быть, но, по мнению В.Соловьёва, огромную роль в этом процессе прогрессивного развития призвано сыграть откровение божественного начала. Философ верит, что достижение духовных орбит возможно; во всяком случае, славянство в своей истории призвано соединить две выше приведенные силы [7].

Итак, разрешение кризисов и дальнейшее прогрессивное развитие человечества русская религиозная мысль связывает с идеей единства, основанного на принципе безусловного нравственного начала, истинной солидарности человечества, основой которой должна стать любовь, как принцип жизни [8,с.212]. Обретение людьми естественных прав вряд ли возможно на путях внедрения крайнего либерализма, подменившего целостное народное самосознание мнимыми правами отдельных людей. В.Соловьёв и его идейные последователи критикуют модель мнимой демократии, где единство подменяется простой суммой разных волеизъявлений, что приводит к

забвению самого института народного собрания. Иначе говоря, всеобщее начало социального бытия важно не менее индивидуального. Современная мировоззренческая дезориентация, особенно людей «постсоветского» мира, требует вновь особого внимания к человеку, его духовной сфере [5]. Русская религиозная мысль может сослужить хорошую службу в решении этой задачи, так как в этой философской школе человек не мыслится в его отдельности, атомарности, но только в связи с другими и другим, целым всего многообразного человеческого сообщества. Таким образом, постмодернистский «пост-человек», возможно, рано начал претендовать на превалирующее своё положение в современном обществе. На наш взгляд, не исчерпал своих возможностей развития и человек «модерна», тип которого, правда, несколько скорректированный, явлен в русской религиозно-философской традиции.

Ссылки:

1. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Н.А. Бердяев / Составление и комментарии В.В.Сапова.–М.:Канон+, 1999.–464с.
2. Булгаков С.Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов / С.Н. Булгаков.–СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008.–736с.
3. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/chteniya/01.html>.
4. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. I / Состав., общ. редакция и вступ. статья А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – 892, [2] с. – 1 л. портр. – С. 47-580.
5. Соловьёв В.С. Идея сверхчеловека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1899_ideya_sverhcheloveka.shtml.
6. Соловьёв В.С. Византизм и Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0190.shtml.
7. Соловьёв В.С. Три силы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0170.shtml.
8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. Столп и утверждение истины Том 1 (I). – М.: Издательство «Правда», 1990. – С. 1-490.

И.С. Стокалич. Інноваційний потенціал російської релігійно-філософської думки межі XIX-XX ст.

У статті міститься аналіз сучасної історії у контексті соціальних поглядів представників російської релігійної філософії. Показана обмеженість у можливості застосування капіталістичного варіанта економічної системи й системи ліберальних цінностей на просторах СНД, як неефективних та таких, що суперечать духовно-культурним цінностям даного культурного регіону. Представлено шлях побудови суспільства, який міститься в концепціях російської релігійної філософії, що спирається на постулати християнського віровчення.

Ключові слова: ліберальний капіталізм, марксизм, соціалізм, воля, справедливість, безумовне моральнісненачало, влада, церква, держава.

I.S.Stokalich. The innovative potential of Russian religious and philosophical thoughts on the verge of XIX-XX centuries.

In the article there is analyzed events that happened on the territory of the former USSR in the context of social views of the representatives of Russian religious philosophy. There is represented the absurdity of capitalist economic system and the system of liberal values in the CIS, as inefficient and contrary to the cultural values of these areas. It is presented a possible way of building a society based on the postulates of the Christian faith expressed in the concepts of Russian religious philosophy.

Key words: liberal capitalism, marxism, socialism, will, justice, unconditional moral principle, the power, the church and the state.